

Старший научный сотрудник
Художественного отдела
Псковского музея-заповедника
Антипова Р.Н.

З.А. Трубецкая «Достоевский и А.П. Filosofova»

А.П. Filosofova

(ПУБЛИКАЦИЯ С. В. БЕЛОВА)
(журнал «Русская литература» №3, 1973 год)

Среди лиц, с которыми Достоевский сблизился в последние годы своей жизни, была замечательная русская женщина, известная общественная деятельница Анна Павловна Filosofova (1837—1912).

С Достоевским А.П. Филоσοфова сблизилась в конце 70-х годов, очень высоко ценила его, считала своим «дорогим нравственным духовником». Достоевский в свою очередь неизменно относился к Анне Павловне с большим уважением, писал о ее «прекрасном умном сердце».

В августе 1971 года мне удалось познакомиться в Ленинграде с внучкой А.П. Философовой Зинаидой Александровной Трубецкой, преподавательницей русской литературы в Монреальском университете, приехавшей в нашу страну на XIII конгресс историков науки. Зинаида Александровна была еще совсем маленькой девочкой, когда умерла ее знаменитая бабка, и, естественно, память ее сохранила больше семейные предания и рассказы ее матери Зинаиды Владимировны Ратьковой-Рожновой (1871—1966, Монреаль) и дяди Владимира Владимировича Философова (1858-1931, Париж), т.е. дочери и сына А. П. Философовой.

Ниже мы приводим отрывки из воспоминаний Зинаиды Александровны Трубецкой.

То, что я пишу, скорее картины, которые встают в моей памяти. Я любила в детстве и юности сидеть у камина и слушать маму или дядю — оба были хорошими рассказчиками. Анна Павловна, часто повторял Владимир Владимирович, была исключительно добрый человек, у нее, как выразился Достоевский, было «умное сердце». Достоевский хотел сказать, что Анна Павловна всегда понимала того, кому хотела помочь, она влезала мысленно в его «кожу» и этим умением всегда прийти на помощь не тяготила, не оскорбляла и как бы не требовала благодарности, а рождала близость, часто дружбу. Именно за это очень ценил ее Достоевский. Она была очень красива, что с ее добротой составляло редкий шарм.

Она имела друзей «всех форм и всех шерстей» (как говорят французы: *tout poil et tout calibre*), т. е. из литературного мира, из высшего общества, левых и правых кругов. Для Анны Павловны самое важное в человеке было его сердце и самое ужасное, когда человек был «ни рыба ни мясо», «серый душой», однако и в этом человеке Анна Павловна стремилась найти «искру

божью». Однажды при Достоевском муж Анны Павловны спросил ее: «Как ты могла заставить господина X оживленно говорить, удивляюсь! Он только молчит». «Да, он мне тоже раньше казался флаконом скуки, но я нашла, что его интересуется, и он очень интересно рассказал о жизни горных птиц». Достоевский рассмеялся и сказал: «Анна Павловна каким-то восьмым чувством притягивает доверие людей. Это неоценимый дар!»

Неудивительно, что Федор Михайлович ценил и любил Анну Павловну. Он часто бывал у нее, причем всегда заходил запросто. Моя мать (ребенок 6 - 8 лет) его иногда видела и рассказывала, что Достоевский непременно любил поговорить с ней и ее маленьким братом (на год моложе ее), Дмитрием, причем Достоевский как-то сразу располагал к себе и в играх с ним мы совершенно забывали разницу в возрасте между нами и Достоевским: так он умел войти в наши интересы. Моя мать говорила мне часто, что когда она позже прочла «Братья Карамазовы», то взаимоотношения Алеши с мальчиками живо напомнили ей игры Достоевского с ней и ее маленьким братом: в обоих случаях было поразительное умение войти в мир детей.

Когда Достоевский бывал в великосветских салонах, в том числе у Анны Павловны Философовой, он всегда, если происходила какая-нибудь великосветская беседа, уединялся, садился где-нибудь в углу и погружался в свои мысли. Он как будто засыпал, хотя на самом деле слышал все, что говорили в салоне. Поэтому те, кто первый раз видел Достоевского на великосветских приемах, были очень удивлены, когда он, как будто спавший до этого, вдруг вскакивал и, страшно волнуясь, вмешивался в происходивший разговор или беседу и мог при этом прочесть целую лекцию.

Тетя Маня (старшая дочь Анны Павловны, в замужестве Каменецкая), ко-торой Достоевский помогал по математике, любила нам рассказывать следующий эпизод. Однажды Анна Павловна должна была ехать на бал, на ней было черное бархатное платье и букет анютиных глазок (как у Анны Карениной) и диадема в волосах, как полагалось. Вдруг перед самым отъездом на бал прискакал гонец и сообщил, что в дешевых ночлежных квартирах,

созданных Анной Павловной, обварили ребенка, мать голосит, а доктора нет. Не раздумывая ни секунды, Анна Павловна, как была в бальном платье, вскочила на извозчика с гонцом (парень лет 16) и понеслась за доктором, вместе с ним поехала к ребенку, чтобы попытаться его спасти. Когда мой дядя, Владимир Владимирович, рассказал Достоевскому эту историю, то Достоевский воскликнул: «В этом жесте вся Анна Павловна! Помочь ребенку важнее, чем новое платье, чем опоздать к выходу царя, чем войти во дворец не под руку с мужем, как полагалось, а одной. Главное всегда сначала настоящее главное!»

В тот день, когда Анна Павловна узнала, что ее высылают, она сожгла (со слов моей мамы) письма к ней Достоевского, Тургенева и другие письма, которые хранила в кожаных коробках (испанской кожи Кордова) формы маленьких сундучков. Моя мать рассказывает: было решено, что Маня, я и Дима поедem с мамой в Женеву. И вот мы сидим в ее голубом будуаре, вдруг дверь открывается, и вбегает Достоевский. Надо сказать, рассказывала моя мама, что меня очень поразило это появление Достоевского: ведь в то время невозможно было появиться без доклада, без того, чтобы лакей не ввел в одну из гостиных и не пошел спросить, могут ли хозяин или хозяйка принять гостя и где, причем это правило касалось даже близких друзей. Но таков уж был Достоевский, действующий по велению сердца!

Анна Павловна была в большой дружбе также и с И.С. Тургеневым, а так как Достоевский был в многолетней вражде с Тургеневым, то он, как рассказывала нам бабушка, нередко упрекал ее за то, что она любила Тургенева не только как писателя, но и как человека.

Моя бабушка не любила и не понимала живописи, и это очень огорчало Достоевского, который не понимал, как картины не заставляют ее, такую чуткую, мыслить: ведь все, что творит красоту, говорил Достоевский, неизмеримо прекрасно, искусство возвышает и ободряет человека, оно может и утешить и разбудить «заснувшую душу». Анна Павловна не раз повторяла потом, что именно Достоевский научил ее лучше понимать живопись.

После смерти Достоевского Анна Павловна продолжала дружбу с его вдовой Анной Григорьевной Достоевской. Моя бабушка преклонялась перед этой женщиной, перед тем, что она сделала для Достоевского. (Бабушка любила повторять, что Достоевскому и Льву Толстому повезло с женами, а вот Пушкину не повезло). Правда, встречи Анны Павловны с Анной Григорьевной были всегда грустные: обе они смотрели на портрет Достоевского и плакали. Анна Павловна никак не могла простить себе, что познакомилась с Достоевским перед самым концом его жизни. В «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской, вышедших уже после смерти Анны Павловны, в 1925 году, есть такие строчки: «Кстати, скажу, что Федор Михайлович имел много искренних друзей среди женщин, и они охотно поверяли ему свои тайны и сомнения и просили дружеского совета, в котором никогда не получали отказа. Напротив того, Федор Михайлович с сердечною добротою входил в интересы женщин и искренне высказывал свои мнения, рискуя иногда огорчить свою собеседницу. Но доверявшиеся ему чутьем понимали, что редко кто понимал так глубоко женскую душу и ее страдания, как понимал и угадывал их Федор Михайлович».

Моя бабушка могла бы полностью подписаться под этими словами.